

СОКРОВИЩА КУЛЬТУРЫ ХАКАСИИ

Хакасия, край мой! Родные просторы,
Вы мне улыбаетесь морем огней.
Широкие степи, высокие горы
Навеки в душе сохранятся моей.

Мне слышатся песни девчат круглолицых
На тучных полях, где работа кипит.
Та звонкая песня их — вольная птица —
Шахтеров в глубоком забое бодрит.

*Михаил Кильчичаков
Перевел А. Чмыгалю*

В 1971 году в межгорной котловине Сорга, расположенной в Батенёвском кряже в верховьях реки Пююр-сут (по хакасски «Волчья река», на картах — Бюрь), при впадении в нее реки Сорыг-сут («Могучая река», русское название — Сора), прямо на современной улице поселка железнодорожной станции Ербинская, археологической экспедицией МГУ под руководством профессора Л.Р. Кызласова были обнаружены руины древнего манихейского храма.

Станция Ербинская. Холм на Степной улице.
Начало работ. 1971 г.

Храм Марса В котловине Сорга

Леонид КЫЗЛАСОВ,
доктор исторических наук

Скрывавший храм холм был значительных размеров, а высота образовавшихся его края валов на три метра возвышалась над улицей. Принимая бугор за большой курган, его неоднократно пытались грабить — на поверхности остались следы не менее шести шурфов и одного обширного раскопа. В этом нет ничего удивительного: даже археологическая наука по сей день более всего интересуется курганами, предполагая, что в кочевой Сибири не стоит искать долговременные поселения и тем более города с монументальными зданиями. До нас

Раскопки дворца у станции Ербинская ведут студенты МГУ под руководством профессора Л.Р. Кызласова. 1972 г.

монументальных архитектурных сооружений на Среднем Енисее вообще никто не находил.

Между тем раскопки двух полевых сезонов показали, что во второй половине VIII века на месте станции Ербинской был создан и до IX–X веков существовал крупный храмовый центр Древнехакасского государства. Второй подобный храмовый город, еще больших размеров, был открыт и изучался в 1974–1981 годах в низовьях реки Уйбат.

Аборигенные обитатели во все времена особо почитали котловину Сорга: именно здесь на протяжении 5 тысяч лет в неповрежденном виде сохранялись позднелеолити-

ческие святилища с каменными изваяниями божеств, созданные древнейшим населением тазминской культуры в начале III тысячелетия до н.э. Особо, пожалуй, значимо, что и в эпоху расцвета Древнехакасского государства, когда на Енисее появились новые вероучения из числа мировых религий, местом сооружения города с монументальным храмом посередине была избрана все та же священная котловина. Науче предстоит еще понять, почему в этих условиях древние каменные идолы оставались здесь нетронутыми.

Если привлечь опыт христианизации Западной и Восточной Европы, хорошо известный нам по жизнеописани-

ям ранних миссионеров, утверждавших силу нового бога истреблением прежних святилищ на глазах их еще языческих почитателей, то можно предположить, что в ранне-средневековой Южной Сибири истины пришлого манихейства внедрялись иначе. Вероятно, проповедники религии Света не входили в прямой конфликт с предшествующим мировоззрением жителей и не стремились к осквернению их древних святынь.

Застроенный современным поселком древний город изучать было, конечно, невозможно. Возведенный же в центре его храм был исследован полностью. Это прямоугольное здание (37,5 x 28,5 м) со стенами из сырцового кир-

Гранитная платформа в основании здания. 1972 г.

Основание стен

Остатки внутренней побелки стен

пича было воздвигнуто на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь его составляет около 800 кв. м, а толщина мощных стен — около 2,5 м. Стены здания сохранились на высоту до 2 м, а первоначально они возвышались над платформой до 3 м. На это указывали размеры упавших деревянных колонн, сохранившихся в центральном зале. Некогда они располагались в виде галереи вдоль стен. Потолок и стены храма были выбелены известью.

Строительство храма велось следующим образом. Первоначально была расчищена слегка покатая к западу поверхность древней почвы. Затем на ней сооружена массивная прямоугольная платформа, основу которой составляли огромные гранитные валуны, специально привезенные в котловину с окрестных гор Батенёвского кряжа. Гигантские камни были уложены в глиняный раствор в 4–6 слоев на высоту человеческого роста (1,5–1,7 м) и пе-

реложены пластами дерна. Поверх камней платформа была обмазана жидкой глиной со щебнем. Ее прямые края были глинобитными. Их ограничили по низу прямоугольника опалубкой из продольно уложенных бревен.

Сооружение платформы, быть может, диктовалось не только нормами архитектурного канона, указывавшего на участие в работах среднеазиатских (точнее, согдийских, по-современному — таджикских) строителей, но и сугубо практическими соображениями. Близко расположенные сопки и увалы в период летних и весенне-осенних дождей собирают и обрушивают на центр котловины бурные потоки воды (такое наводнение археологам довелось наблюдать дождливым летом 1971 года). Поэтому средневековые строители, воздвигая монументальный сырцовый храм, поставили его на надежный и высокий каменный подиум, предохранив от размывания дождевыми потоками.

Кирпичная кладка стен. 1972 г.

На платформе после ее просушки, отступив от краев в среднем на 2 м, и были сооружены массивные стены здания из прямоугольного сырцового кирпича, размер которого также указывает на традиции среднеазиатских строителей.

Здание, вероятно, не имело окон, и в центральный зал свет поступал через редкие прямоугольные отверстия в кассетных ячейках потолка. Впрочем, так как верх стен был разрушен по всему периметру, не исключено, что там располагались горизонтальные световые прорезы. Поскольку в западной части зала находились основные святыни, а колонны образовывали выступающий вперед квадрат, возможно в центре плоской крыши был световой люк, прикрытый невысоким полукуполом.

Северная и южная стены в западной, удаленной от входов части зала имели четыре узкие и низкие, по-видимому алтарные, подставки-пьедесталы. Все они сложены из обычных сырцовых кирпичей. Стены, кроме побелки, имели дополнительные украшения в виде аппликаций цветочного характера, наклеенных на деревянные щиты и разукрашенных разными красками. Уцелевшая часть одного из таких щитов являла собою две полосы вываренного берестяного полотнища. По грунту на нем были прописаны многокрасочные композиции, от которых, к сожалению, сохранились

Пьедестал для святынь. 1972 г.

лишь голубые и ярко-красные пятна, не образующие ничего цельного.

Основной вход храма с широкой дверью и ведущим от земли на высокую платформу пандусом (длиной и шириной практически по 5 м) был обращен на восток, навстречу богине утра Тангентири. Он также был сооружен из валунов, уложенных в глинобетон, покрыт слоем щебенки и затем промазан глиняным раствором. Широкий дверной проем (2,45 м) имел два порога и две двери, из двух створок каждая. Одна дверь открывалась наружу, а другая внутрь помещения, куда опускался короткий пандус. Очевидно, парадный вход предназначался для одновременного прохождения многих людей.

Второй, малый, вход, также с пандусом, вел внутрь с севера. Его ширина — 2 м. Сохранились два деревянных порога и четыре притолоки, то есть он имел две двери,

разделенные тамбуром. К нему вел пандус длиной и шириной более 3 м. Этот вход, вероятно, служил для прохода избранных лиц: первосвященников, жрецов, представителей высшей знати.

Исследованное монументальное здание в котловине Сорга было воздвигнуто строителями, принадлежащими к западной для Южной Сибири школе среднеазиатского зодчества. Прямое среднеазиатское воздействие на градостроительное искусство Саяно-Алтайского нагорья, прежде всего участие самих согдийцев в строительных работах, указывает на религиозную основу обнаруженного явления. Как известно, в середине VIII века согдийские колонисты развили особую активность в Семиречье, в Восточном Туркестане, на севере Центральной Азии и в Китае, распространяя не только свойственную им культуру, но и связанную с ней манихейскую религию.

В Хакасии Ербинский храм пока является самым ранним манихейским святилищем, посвященным, согласно арабским описаниям этого религиозного архитектурного канона, Царю Света и богу войны Марсу. Еще недавно никто из ученых не смог бы даже предположить, что манихейцы некогда сочли за благо построить свой храм в таежной глухомани неведомого им ранее Батенёвского края.

Следует принять во внимание, что со времени возникновения в манихействе значительную роль играли астральные культы, и «люди в белых одеждах» передали Древнехакасскому государству сохраненную ими дав-

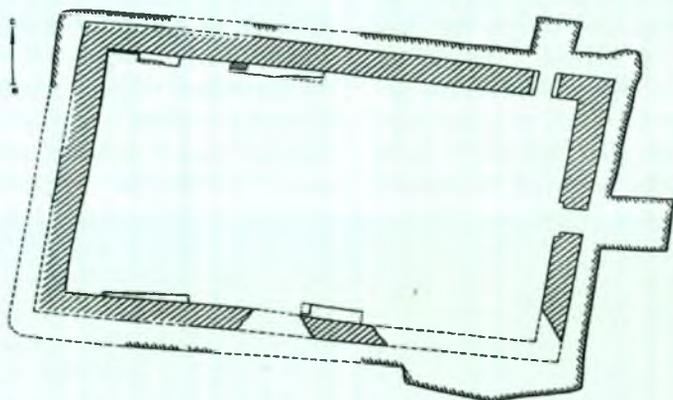
нюю астрологическую вавилонскую мудрость.

К 942 году относится важное для понимания раскопанного в Хакасии храма сообщение арабского путешественника Абу Дулафа, в течение месяца ездившего по земле древних хакасов. Он писал: «У них имеется храм для поклонения, есть тростниковые перья, которыми они пишат. Они обладают разумом и сообразительностью. Светильники свои они не гасят до тех пор, пока (горючее) вещество в них не потухнет само. Они знают стихотворную речь, что произносят во время своей молитвы. У них есть мускус. В году у них несколько праздников. Молятся они, обращаясь на юг,

почитают Сатурн и Венеру и считают дурным предзнаменованием Марс». Важно указать, что хакасы поклоняются планетам, так как именно манихейству был присущ культ семи планет: Солнца, Луны, Сатурна, Венеры, Юпитера, Марса, Меркурия. Эти планеты предводительствовали 7 днями недели и судьбами грешных людей.

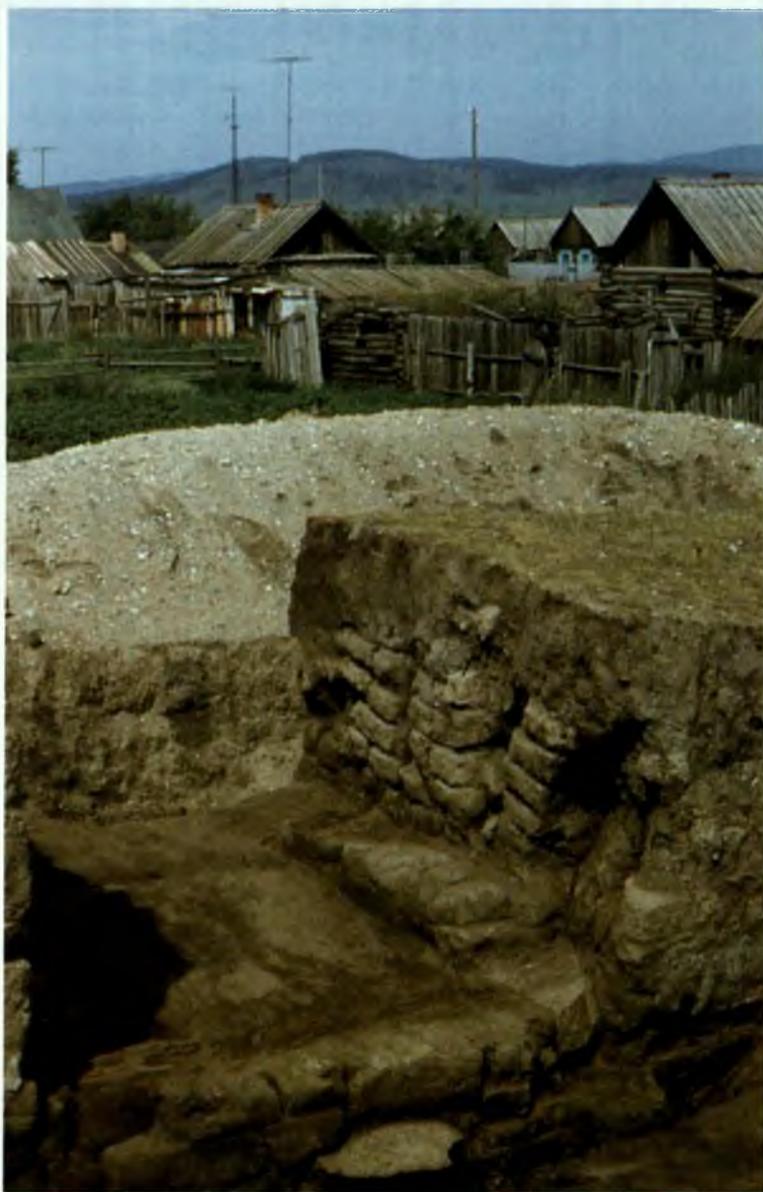
Абу Дулаф не назвал религию, которую исповедовали древние хакасы, но, судя по ряду перечисленных им признаков, единственный храм, в котором он побывал, был манихейским. Наличие храма, священного огня, особой стихотворной, то есть ритмично организованной речи, обращение во время молитвы к югу, связь храма с письменностью и философией — все это говорит именно о манихействе. Манихеям особенно были присущи мистическая таинственность обрядов, высокая художественная выразительность гимнов, покаяний и молитв, являющихся важной составной частью их обрядов. Не исключено, что арабский географ Абу Дулаф свыше 1000 лет назад имел в виду молитвенные собрания древнехакасских манихеев, проводившиеся в храме в котловине Сорга, который он сам осмотрел.

Вокруг Ербинского храма располагался монастырский городок из деревянных построек. Этот религиозный центр был сооружен, скорее всего, в середине 760-х годов. В предчувствии грядущих

План храма Царя Света и бога Марса. Середина 760-х гг. н.э.

Вход в зал манихейского храма. 1973 г.

войн с Уйгурией здесь был воздвигнут монументальный храм богу войны Марсу. И в то же время в 90 км к югу, в Уйбатском центре, древними хакасами был сооружен мощный квадратный многоколонный храм Солнца — оз-

наменовавший собой утверждение государственного суверенитета народов Южной Сибири.

Таким образом, древние хакасы не остались шаманистами, как полагают многие ученые. Приняв «всеобщую

универсальную религию» Мани в качестве государственной, они стали сибирскими манихеями, ибо здесь, на севере, среднеазиатское манихейство, подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало и видоизменило шаманистские культы.

Принятое древними хакасами манихейство существенно повлияло на уровень развития местного средневекового общества.

Храм и выросший возле него монастырь (всегда сопутствующий крупным манихейским святыням) превратили летнюю резиденцию хакасских правителей в священную котловину Сорга не только в административный государственный, но и в важный религиозный, культурный центр. В храме, подобно давним установлениям согдийских городов той эпохи, должна была храниться книга законов и другие государственные регалии и ценности. В монастыре, как предписывал канон, размещалась библиотека, накапливались и переписывались на местной енисейской рунической письменности священные книги манихеев, велось обучение грамоте, врачевание. Согдийские, уйгурские и появившиеся вслед за ними древнехакасские миссионеры и монахи, очевидно, уже в VIII веке немало преуспели в распространении не только официальной религии, но и государственной енисейской рунической письменности.